

— Это неважно. Я подожду.
Тогда я со «святой простотой» под-
ключаюсь:

— Ах, как чудно, спасибо! Мы при-
едем.

На том конце провода длинная пауза...
Затем:

— Так я за вами пришлю машину.

И вот в нашей узкой улице останавли-
ваются три черных ЗИСа: в первом и тре-
тьем охрана, в среднем — сам наш но-
вый хозяин — Булганин. Видно, таким де-
монстративно открытым своим появлени-
ем он сразу захотел расставить фигуры в
будущей игре: что, мол, дело серьезное
и шуточками от него не отделаешься. Из
окоп домов люди выглядывают: честь ка-
кая нашей улице — сам глава правитель-
ства объявился. И начались с того дня
чуть ли не ежедневные приглашения —
то к нему на дачу, то в его московскую
квартиру. И, конечно, бесконечные «воз-
лияния». Николай Александрович пил мно-
го, заставлял и Славу, да тот и без уго-
воров со злости хватал лишнего. Бывало,
охмелеют оба, старик упрется в меня гла-
зами, как бык, и начинается:

— Да, обскакал ты меня...

— Да вроде бы так.

— А ты ее любишь?

— Очень люблю, Николай Александро-
вич.

— Нет, ты мне скажи, как ты ее лю-
бишь? Эх ты, мальчишка! Разве ты мож-
ешь понимать, что такое любовь! Вот я
ее люблю, это моя лебединая песня... Ну,
ничего, подождем, мы ждать умеем, при-
учены...

ком Сталина, зловещая тень которого,
вселяя ужас, еще долго витала над стра-
ной.

Булганину было шестьдесят лет, и сре-
ди топорных, грубых физиономий членов
правительства он выделялся своей интел-
лигентной внешностью, мягкими, приятны-
ми манерами. Было в его облике что-то
от старорежимного генерала в отставке,
и ему очень хотелось казаться в моих
глазах просвещенным монархом, этаким
Николаем III. Всем свои обращения со-
мной он всегда старался подчеркнуть,
что мне не нужно бояться бывать у него.
Конечно, привычный властвовать, он хо-
тел добиться своего во что бы то ни ста-
ло, но, быть может, и в самом деле лю-
бил меня. Бывало, говорит Славе:

— Да не сердись ты, что я так часто
звоню ей! Дай мне полюбоваться на нее.
Ты молодой, у тебя все впереди, а у ме-
ня жизнь кончается.

И Слава, хоть и тошно было ему слу-
шать его излияния, порою даже жалел
старика и дома говорил мне:

— Ведь он очень милый человек. Толь-
ко зачем он за тобой ухаживает! Если б
не это — я с удовольствием дружил бы с
ним.

— Ну да, так и нужна ему твоя друж-
ба! Он уже давно с наслаждением свер-
нул бы тебе шею.

И правда, тот ни за что не хотел сми-
риться с мыслью, что меня увели у него
из-под самого носа — да еще кто увел! —
мальчишка, как называл он Славу, а Сла-
ва терпеть этого не мог и за глаза ина-
че как «кукуруза» нашего премьера и не

влетела в комнату, вцепилась ему в одну
ногу, Вероника — в другую, я кричу в ис-
терике:

— Стой! Куда ты прыгать собрался? Я
беременная!.. Куда я денусь?

Так я объявила моему мужу, что у нас
должен быть ребенок.

Как ветром сдуло его с подоконника,
и он, счастливый, уже был около меня:

— Правда? Нет, правда? Что же ты
молчала?

Я плачу:

— Сюрпри-и-и-и-з хо-те-ее-е-ла те-
бе сде-е-е-лать...

Тут же Слава схватил книгу сонетов
Шекспира и с упоением стал мне их чи-
тать, чтобы я, не теряя ни минуты, про-
никлась высокими мыслями и начала соз-
давать в себе что-то необыкновенное и
прекрасное. С тех пор эта книга лежала
на ночном столике, и как соловей над со-
ловьишкой поет по ночам, когда она выси-
живает птенцов, так и мой муж всегда
перед сном читал мне прекрасные сонеты.

С Булганиным мы решили постепенно
прекращать наши странные отношения.
Но как? Нужно было в этой ситуации не
нажить себе смертельного врага. Я стала
отказываться от домашних приглашений,
отговариваясь занятостью в театре, уста-
лостью, но он понял мои уловки и начал
действовать через Министерство культу-
ры, приглашая петь на приемах в Кремле.
Мне же эти приемы осточертели уже дав-
но.

Вначале обычно звонил чиновник мини-
стерства:

— Галина Павловна, сегодня прием в
Кремле, вас просят петь.

— У меня репетиция в театре.

— Мы вас освобождаем.

— У меня не звучит голос.

Следующий звонок — уже министр куль-
туры:

— Галина Павловна, нужно сегодня
спеть в Кремле.

— Я себя плохо чувствую, у меня че-
рез три дня спектакль.

— Я распорядюсь освободить вас от
спектакля.

— Но я не могу петь, я устала...

А там не могут понять — как так уста-
ла! По их представлениям, от такой че-
сти должна и мертвая запеть.

Наконец, звонит сам премьер:

— Галя, я вас прошу приехать на прием.

— Николай Александрович, я не лю-
блю петь на приемах.

— Приезжайте, я хочу вас видеть.

В конце концов однажды мне надоело
ломать комедию, и я не выдержала: я
стояла в вонючем коридоре коммуналь-
ной квартиры и в ярости орала в теле-
фонную трубку:

— Что вы валяете дурака? Звоните по
несколько раз в день, будто не понимае-
те, что мы не сможем бывать у вас дома!
Мне надоело сплетни вокруг меня! Я не
хочу петь на ваших приемах. Почему?
Потому что мне противно! Я не желаю во
время пения видеть ваши жующие физио-
номии... Поймите, что меня это унижает.
И хотя, по вашим понятиям, это большая
честь, я прошу вас раз и навсегда изба-
вить меня от подобной чести... Все! До
свиданья!..

Через несколько минут — снова звонок:

— Галя, извините меня и успокойтесь.
Я прошу вас завтра со Славой прийти ко
мне ужинать. Мне нужно вас видеть.

Ну, что было делать? Опять идем —
и все сначала, и конца-края этому не ви-
дать. Вот уж воистину — «минуй нас
пуще всех печалей и барский гнев, и бар-
ская любовь». Но на правительственных
приемах я с тех пор больше никогда не
пела. Мое имя навсегда исчезло из спис-
ков почетных скоморохов, обязанных
кривляться перед пьяными вождями. От
этого меня избавил Булганин, так же, как
от моего «шефа» из КГБ Василия Ивано-
вича.

Как-то утром позвонил мне — слышу
знакомый голос:

— Здравствуй, Галина Пална! Василий
Иваныч говорит. Давненько с вами не бе-
седовали.

— У меня нет ни времени, ни желания
с вами беседовать, я тороплюсь в те-
атр! — и бросила трубку.

В тот вечер мы обедали у Булганина,
и я решила ему пожаловаться.

— Николай Александрович, меня пре-
следуют работники КГБ.

— Это еще что такое?! Что им от тебя
надо? — и сам побарговел весь.

— Они требуют, чтобы я писала до-
носы.

— Что-о-о? С ума они сошли, что ли?
Федька! — кричит адъютант. — Соедини
меня с Ванькой Серовым! Ах, негодяи!

И побежал в соседнюю комнату к те-
лефону. Мы слышали, как он разносил
главу КГБ, до нас долетали обрывки
фраз. Вскоре он вернулся к нам.

— Не волнуйся, никто больше тебе
оттуда никогда не позвонит. Можешь
мне поверить.

И правда — с этим было навсегда по-
кончено. Помощь в таком деле была важ-
на именно в тот период моей жизни —
дальше я уже сама набрала силу и мо-
гла отбиваться самостоятельно, да и зная
мои высокие связи, со мною были остро-
рожны, меня уже такой Василий Ива-
ныч — попробуй тронь! А сколько людей
запуталось в этих сетях!

● Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев во время визита в Индию.

Фото В. Егорова.

А я сижу между ними и слушаю. Он
как будто не признавал за Славой ника-
ких прав на меня, и все наши попойки за-
канчивались его объяснениями моему муж-
у, как он меня любит, что я его лебе-
диная песня и что, о чем бы я его ни по-
просила, все будет исполнено.

— Да нам ничего не нужно!

— Как это не нужно! Больно гордые...
Мой адъютант сказал, что вы в комму-
нальной квартире живете. Почему?

— Это квартира моей матери, Николай
Александрович. Но скоро будет готов коопе-
ративный дом на улице Огарева — я
член кооператива, — и мы переедем.

— Ты что, деньги, что ли, заплатил?
Откуда же ты деньги взял?

— Да когда еще получил Сталинскую
премию — всю ее и внес.

— Так зачем тебе платить? Я вам в лю-
бом доме квартиру устрою бесплатную,
какую только пожелаете!

— Нет, спасибо, Николай Александро-
вич, я уже привык к мысли, что эта квар-
тира — моя собственность.

— Ишь, собственник! Сегодня — соб-
ственность, а завтра — по шапке.

— Да времена вроде другие, Николай
Александрович.

— Да уж попался б ты мне раньше...
Ну ладно, я шучу...

ДУМАЮ, что не раз пожалел милейший
Николай Александрович о добром
старом времени, глядя на меня пьяны-
ми глазами и рассказывая нам о похожих
денегх Берии. Что тот насиловал несо-
вершеннолетних девочек; что после
его расстрела нашли списки более ста
женщин, которых по его указу катре-
бешники поставляли ему. Некоторых
просто подкарауливали на улице и,
затолкнув в машину, привозили свое-
му хозяину для любовных утех. И в нашей
памяти сильнее всего было не то, что он
уже расстрелян, а то, что, будучи него-
дяем, он двадцать лет был членом пра-
вительства и все его соратники остались
на своих прежних местах, охраняя ре-
жим. Булганин же для нас был наследни-

называл. Тогда как раз началась хрущев-
ская вакханалия с кукурузой — что, мол,
если будем сеять ее от края и до края
Советского Союза, то немедленно при-
дем к коммунизму.

Сначала для нас все это было игрой,
а Славе приятно было быть победителем
в столь опасной борьбе. Но скоро он по-
нял, в каком двусмысленном положении
оказался: знакомые начали чуть ли не по-
здирать его при встречах.

В стране, где все потонуло в рабском
подхалимаже и во лжи, подобная ситуа-
ция поднимает тебя в глазах окружаю-
щих на недослаемую высоту. Из обык-
новенной государственной холопки вдруг
ты превращаешься в выдающуюся лич-
ность. Люди совершенно искренне откры-
вают в тебе множество превосходных ка-
честв, которых раньше не видели и ко-
торых у тебя, возможно, и нет. Никто не
осуждает, а только завидуют и восхища-
ются. Ищут знакомства, льстят, заискива-
ют, чтобы через тебя обратиться с прось-
бой — кому звание, кому квартиру, а ко-
му просто телефон поставить без оче-
реди.

ОДНАЖДЫ ночью, когда мы вернулись
от Булганина с очередной попойки,
Слава устроил мне скандал:

— Мне надоело! Я не могу больше ви-
деть, как этот старик на тебя смотрит!
Я больше к нему не пойду!.. Тебе, навер-
ное, нравится, тебе льстит, что за тобой
ухаживает наш новый царь. Ты не ви-
дишь, что ставишь меня в унижительное
положение!..

Я в слезы:

— А что я могу сделать, если он не
желает ничего понимать! Не могу же я
послать его к черту!.. Вот завтра придет
машина — попробуй не поехать!..

И вижу я: Слава, почти голый, в од-
них трусах, лезет на подоконник!

— А если так, то я сейчас брошусь
вниз!

Видно, спяну забыл, что всего высо-
ты — метра четыре, но все равно ноги
можно переломать! Софья Николаевна